

ГЛАВА 1

Все началось со случайного стечения обстоятельств, о чем я не стала бы рассказывать, если бы сочиняла вымышленную историю. В реальной жизни ежедневно происходят совпадения, которые не годятся для романов, поэтому писатели стараются не использовать их в своих произведениях. Но они происходят. Происходят каждый день. А в тот день они, вернее, оно произошло дважды.

Я работала у себя дома, когда стук в дверь возвестил о прибытии четырех студентов-второкурсников. Обыкновенно я радуюсь их приходу. Такова моя работа. Я преподаю английский в колледже Хейуорт в Кембридже и общаюсь с ними ежедневно. Но в тот солнечный майский день неожиданный гость был мне ни к чему, даже если бы это оказался посыльный с зарегистрированным письменным сообщением, что я получила главный приз лотереи Эрни. Я сочиняла поэму.

Существует мнение, что человек, перешагнув тридцатилетний рубеж или вступив в брак — а это может произойти и раньше, — уже не в состоянии сочинять стихи, во всяком случае такие, какие стоит читать. Есть, конечно, замечательные исключения, но они только подтверждают правило. Что же касается семейной жизни, то я полагаю, что данное правило распространяется только на женский пол — женщины говорят, что после свадьбы с ними что-то происходит. Но в тот солнечный вторник ни одно из вышеупомянутых ограничений на меня не распространялось. Мне было двадцать семь лет, в браке я не состояла, никого не любила, и единственной моей страстью являлась работа.

Вот почему мне следовало радушно принимать студентов, жаждущих обсудить со мной поэзию Джорджа Дарли, которую мой введенный в заблуждение коллега включил в курс лекций о поэзии начала девятнадцатого века, чем обескуражил самых лучших моих студентов, не понимавших, чем Дарли заслужил подобное. Но тем утром меня охватило наиредчайшее вдохновение, и я сочиняла собственную поэму. Значительнее, чем у Джорджа Дарли. И в любом случае лучше (что, кстати, нетрудно). Как поэт конца двадцатого века, да еще с трудом добивавшийся места под солнцем, я часто думала, что некоторые более ранние поэты слишком легко публиковались. Но своим студентам этого я не говорила. Пусть себе превозносят знаменитых. Тем более они так редко кого-то ценят, что им это будет полезно.

БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Сказав «входите», я усадила их, выслушала, сама сообщила им что-то в ответ и наконец, отделившись от них, вновь обратилась к своей поэме. Но ее не стало. Первая строфа лежала передо мной на столе, однако идея и образ развеялись, как сон, — словно злосчастный персонаж из «Порлока» Кольриджа просто изгнал их. Перечитав написанное, я, обливаясь потом, попыталась поймать ускользающий образ, но затем сдалась, выругалась и, скомкав лист, швырнула его в пустой камин. Затем произнесла вслух:

— Мне бы очень не помешала хорошая старомодная башня из слоновой кости.

Поставив стул на место, я подошла к открытому окну и выглянула наружу.

Восхитительные липы зеленели молодой листвой, и, ввиду отсутствия древних вязов, среди них, как безумные, стонали голубки. Отовсюду доносились трели одуревших птиц, а клематис под окном благоухал медом и бормотал жужжанием бесчисленных пчел. Теннисон, подумала я, вот кто действительно был исключением из правил: никогда не сдавался, никогда не увядал, даже в старости. А я и в двадцать семь не в состоянии закончить стихи, которые, как мне еще недавно казалось, неминуемо приближались к своему заключительному аккорду.

Значит, я не Теннисон. И ежели поразмыслить, то даже не Джордж Дарли. Тут я расхохоталась, и настроение у меня улучшилось. Затем я устроилась на залитом солнцем подоконнике, дабы насладиться остатками дня. Наполовину прочитанная, а по-

том отложенная «Таймс» лежала передо мной. Как только я взяла газету в руки, в глаза мне бросилось небольшое объявление: «Башня из слоновой кости на любой срок. Изолированный коттедж на крошечном Гебридском острове близ побережья острова Малл. Идеальное место для писателя или художника, ищущего уединения. Сравнительно совр. усл.». И номер абонента.

— Этого не может быть! — выразила я вслух свои сомнения.

— Чего не может быть, доктор Фенимор?

Одна из моих студенток вернулась и стояла в двери, переминаясь с ноги на ногу. Ее звали Меган Ллойд. Она была дочерью валлийского фермера из Дайфеда. В колледж она поступила стипендиаткой, и по праву. Невысокая толстушка с черными кудряшками на голове, карими глазами и веснушками — казалось, она просто создана для того, чтобы возиться на ферме с собаками и лошадьми или драить полы на маслодельне. Очень может быть, что она все это и умела, но помимо вышеперечисленного она еще отличалась большим умом, богатым воображением и с легкостью стала моей лучшей ученицей. Когда-нибудь — если ей, разумеется, повезет — она станет хорошей писательницей. Я вспомнила, что обещала обсудить с ней ее стихи, которые она, нервничая, попросила меня прочесть. Она и сейчас нервничала, но к ее волнению примешивалась самоирония. Она добавила:

— Да неужто «Таймс»? Эта газета обычно не врет.

БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

— Ой, Меган, входите. Кажется, я разговаривала сама с собой. Ничего особенного, просто я думала о своем. Так... вот ваша работа, я, разумеется, все прочитала.

Подойдя к столу, я взяла папку и жестом пригласила ее сесть. Лицо ее не выражало ничего, но глаза стали вдвое больше, а тело напряглось. Я прекрасно понимала, что она чувствует. Каждый раз, когда читают твое сочинение, ты умираешь от каждого высказанного слова — такое чувство, будто с твоих стихов живьем сдирают кожу.

Поэтому я без предисловий перешла к обсуждению ее стихов.

— Мне понравилось. Некоторые даже очень понравились. А некоторые, как понятно, не очень...

Я продолжала говорить, а она стала понемногу успокаиваться, на лице появилось выражение счастья, а потом она начала весело возражать, что, в общем, Меган и свойственно. Наконец я захлопнула папку.

— Вот, свое суждение я высказала. Не знаю, согласится ли со мной более опытный судья, но если вы захотите опубликовать свои стихи — вперед, и желаю удачи. Что бы там ни случилось, обязательно продолжайте писать. Вы ведь именно эти слова хотели от меня услышать?

Она запнулась, откашлялась и молча кивнула.

Я протянула ей папку.

— Говорить я больше ничего не буду. Кое-какие замечания я все-таки сделала. По-моему, будет лучше, да и легче, если вы прочитаете их потом. И са-

мо собой, если вы чего-то не поймете или с чем-то не согласитесь, скажите мне, не стесняйтесь. Хорошо?

— Хорошо. Спасибо. Огромное спасибо. Дело в том, что я... ну, не всегда можно самому судить о себе...

— Да, это мне известно.

Меган улыбнулась, и лицо ее просияло.

— Ну конечно, известно. И поэтому я позволю себе дать вам совет. Можно?

— И какой же? — удивилась я.

Она бросила взгляд на пустой камин, где валялся скомканный лист. С того места, где она сидела, было прекрасно видно, что бумага испещрена строчками незаконченных стихов, часть которых была с досадой перечеркнута карандашом. Меган повторила, передразнивая мою интонацию, но с улыбкой, которая оправдывала подобную дерзость:

— Что бы ни случилось, обязательно продолжайте писать. — Внезапно она заговорила серьезно: — Отсюда мне не видно, что там написано, но я уверена, что вы зря их выкинули. Попробуйте еще раз, доктор Фенимор. Ваши последние стихи в «Журнале» мне очень понравились. Пожалуйста.

Помолчав, и довольно долго, я неловко ответила:

— Спасибо. Только когда придет время... Понимаете, время так просто для этого не находится.

— Вы полагаете?

— Да, я так считаю.

— Простите, мне не следовало этого говорить.

И, внезапно улыбнувшись, она схватила свои вещи и стала подниматься со стула.

БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

— Меня это, конечно, не касается, но я не смогла не заметить их. Простите.

И тогда, чтобы ее успокоить, я протянула ей «Таймс».

— Вот, я как раз пыталась. Остров на Гебридах... похоже, именно там и можно спокойно работать, он даже зовется «башней из слоновой кости». Вот, я отметила объявление кружочком.

Она прочитала объявление вслух и взглянула на меня с просветлевшим лицом.

— Малл? Остров Малл? Вы уже ответили?

— Как раз думала об этом.

— Нет, вы только подумайте. Мы с Энн Трейси собираемся летом именно туда. На две недели. Она все взяла в свои руки. Я там никогда не была, а ее родители обычно проводят там отпуск, и она говорит, что это сказочное место, если погода стоит хорошая и нет мошки. Какое совпадение! Будто... судьба, особенно после того, что вы сказали. Вы ведь напишете туда, правда?

— Похоже, что это того стоит, — ответила я. — Напишу сегодня же.

Но судьба снова ткнула в меня своим перстом. Вечером мне позвонил мой брат Криспин.

Криспин — врач, он практикует в компании четырех коллег в Питерсфилде графства Гэмпшир. Он на шесть лет меня старше, женат, имеет двух детей, которые учатся в школе в другом городке. Он бы предпочел, чтобы они оставались дома, но Рут, его жена, переубедила его, как она обычно уме-

ет это делать. Слабым человеком Криспина не назовешь, но он был очень занят, и посему ему пришлось передать бразды правления их совместной жизнью своей опытной жене. Они были относительно счастливы вместе, но, как обыкновенно происходит в браке, счастье достигалось порой путем споров и разногласий.

Таким предметом спора, например, всегда являлся отпуск. Рут обожала путешествия, города, магазины, театры, курорты. Криспин же, освободившись от необходимой рутины, жаждал покоя и отдыха на природе. Он, как и я, любил Шотландию и ездил туда при малейшей возможности. Там он гулял, рыбачил и фотографировал. Позже, когда у него появлялось свободное время, он сам печатал фотографии у своего друга. С годами его увлечение фотографией становилось все более профессиональным, и некоторые виды Шотландии он даже предоставлял на выставки. А фотографирование птиц превратилось у него в истинную страсть, и за долгое время он собрал замечательную коллекцию фотографий. Некоторые из них были напечатаны в периодике, например в «Кантри лайф» и в журналах о дикой природе; правда, лучшие из своих фотографий он никому не показывал. Я знала, что он мечтает выпустить альбом. Когда время наших отпусков совпадало, мы частенько отдыхали вместе, радуясь нашему уединению.

Поэтому когда он в тот же вечер позвонил мне, чтобы сообщить, что ему предстоит двухнедельный отпуск до конца июня, и спросил, не хочу ли я по

БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

окончании семестра съездить куда-нибудь на север, я поняла, что это снова сама судьба.

— Я как раз думала о том, куда бы поехать.

И я поведала ему об объявлении в газете, что было воспринято им с энтузиазмом. Терпеливо выслушав его рассуждения о лунях, гагарах, поморниках и других редких поразительных птицах, которые, несомненно, только того и ждут, чтобы он явился их фотографировать, я, как всегда осторожно, выразила сомнение:

— А Рут?

— На этот раз она согласна, — последовал обычный легкомысленный ответ. — Ты же знаешь, Гебриды ей не нравятся, к тому же сейчас она сильно занята. Она собирается в отпуск позже, поедет за границу, когда Джон с Джулией отправятся в школу. А если тебе удастся забронировать это место... Было бы здорово. Птенцы будут еще сидеть в гнездах, и, если позволит погода, мы сможем добраться и до Трешнишских островов. Послушай, Роза, почему бы и нет? По-моему, отличная идея. Знаешь что, принимайся-ка ты за дело прямо сейчас. Выясни все детали, а потом позвони!

Так я и поступила. Тем же вечером я послала письмо по указанному адресу.

И получила в свои владения башню из слоновой кости.

ГЛАВА 2

Остров Мойла — первая остановка после Тобер-мори. Он — небольшой, примерно девять миль на пять. С северо-запада его окаймляют грозные скалы, которые противостоят штормам, словно нос корабля. Скалистая круча покрыта изъеденным овцами дерном и спускается в долину, где к морю течет широкая, но единственная на острове река. Свое начало она берет из озера, которое, словно чаша, покоится между низкими холмами. По всей видимости, озеро — вернее, озерко (оно маленькое) — питается ручейками, непрерывно пополняемыми дождями: в озеро ничто не впадает, за исключением этих ручейков, пробирающихся сквозь ситник и восковицу, а после гроз наводняющих влажное торфяное болото. Таким образом, река никогда не пересыхает, и ее белые воды, рассекая болото, падают в море.

Побережье острова в основном скалистое, но береговые утесы невысокие, за исключением северной линии. Они выдаются в море, а между ними места-

ми виднеются крошечные неровные полоски берега, часть которых покрыта галькой, а часть — песком, белым ракушечником, присущим атлантическому побережью.

За песком тянется мачер — необыкновенной красоты дикие луга западного побережья, которые в мае и июне покрываются цветами и заполняются гнездящимися птицами, о которых любой фотограф может только мечтать.

Когда я впервые ступила на Мойлу, стоял чудесный день конца июня. Мои занятия закончились за несколько дней до начала отпуска Криспина, поэтому мы договорились, что отправимся в путь поодиночке и встретимся прямо на Мойле. Как я выяснила, паром от острова отходит три раза в неделю: по понедельникам, средам и субботам. Идет он от Обана до Тобермори на острове Малл, потом заходит на Мойлу по пути к Коллу и Тайри. Еще я узнала, что пользоваться автомобилем на Мойле бессмысленно, поэтому и брат, и я решили ехать на поезде.

Путешествие оказалось приятным. Ночным поездом, следующим до Форт-Вильяма, я доехала до Крианлариха, где поезд останавливался в семь утра. Там мне пришлось провести три часа — я хорошо позавтракала, разгадала кроссворд и наконец села на местную электричку, которая, пробежав через Озерную долину и миновав северный берег озера Эйв, добралась до Обана — конечного пункта на западном побережье. Паром отходил назавтра в шесть утра, поэтому я сняла номер в гостинице прямо у причала. Потом, погуляв по Обану, я отправилась

спать. Утром в половине шестого я села на паром, и начался последний отрезок моего путешествия.

Море было спокойное, и Обан при ясном свете летнего утра походил на красивую игрушку. Паром степенно двигался вперед между островками и скалами, увенчанными замками. В кильватере парили морские птицы, а аромат лета перекрывал даже запах соли и ветра. Идиллия. Прекрасное кружение для башни из слоновой кости.

Во всяком случае, я на это надеялась. Все, с кем я беседовала в поезде и на пароме, никогда не бывали на Мойле, население которой, как сообщил мне один медленно говорящий горец, состояло примерно из тридцати человек.

— Так что вы окажетесь лицом к лицу с дикой природой, и будем надеяться, что местные жители отнесутся к вам дружелюбно.

И он ободряюще подмигнул мне. Но когда мы пришвартовались в Тобермори и контролер указал на море, где группа скал на горизонте (или так казалось) напоминала маму-утку, за которой плывут ее утята, меня охватил страх, и я вдруг стала гадать, что же означает фраза «совр. усл.».

— Вон тот большой остров, видите? Это Мойла, — сообщил мой гид.

— А другие?

— Ну, они все как-то называются, но я точно не знаю. На них никто не живет, одни птицы.

— А доплыть до них можно?

— Можно, только при хорошей погоде да чтобы удача сопутствовала. Туда многие на экскурсии ез-

дят, причем с фотоаппаратами — птиц снимают. Вы тоже любите наблюдать за птицами?

— Не я. Мой брат. Он позже приедет. А вы не знаете, можно ли на Мойле взять напрокат лодку?

Но тут ему пришлось меня покинуть и принимать мешки, которые поднимали на борт.

Еще двадцать минут, и я все увижу сама.

Паром был небольшим, но гавань казалась ему мала: его пришлось поставить вдали от пристани и берега, поэтому пассажиры добирались до парома на лодке.

Деревня, по сравнению с паромом, тоже выглядела маленькой. Насколько мне было видно, вдоль узкой дороги, огибавшей берег, один за другим стояли восемь-девять домиков.

Близ пристани находилось здание, служившее одновременно и почтой, и магазином. Самодельное объявление гласило, что владелица, М. Макдугал, сдает комнаты с завтраком. Примерно в пятидесяти ярдах от этого здания в окружении полосы асфальта стоял белый оштукатуренный дом. Как выяснилось, там располагалась деревенская школа, в которой по воскресеньям проводил службу священник, приезжавший из Тобермори. Мимо почты по камням протекала узкая речушка — чуть шире ручья. Над ней висел горбатый мостик, столь причудливый, что было совершенно ясно, что любая машина, попытавшаяся его пересечь, тут же потерпит аварию. Но, как меня и предупредили, автомобили в этих краях не водились. Рядом с почтой стоял

побитый лендровер, а к стене школы была прислонена парочка велосипедов. И никакого иного транспорта. К тому же, насколько мне было видно, за оклицей дорога кончалась.

А мне было известно, что мой домик находится на другом конце острова.

Что ж, сама напросилась. Оставив свой багаж на причале, я двинулась к почте.

Так как паром привозил на остров корреспонденцию и продукты лишь трижды в неделю, а здание почты было крошечным, народу там было полным-полно, и почтальонша, занятая сортировкой писем и газет и обсуждением с капитаном парома двухнедельных новостей на гэльском языке, даже не бросила на меня взгляд. Магазинчик являл собой что-то вроде мини-гипермаркета, поэтому я взяла корзину и стала запасаться продуктами, которые, как мне представлялось, понадобятся в следующие два дня. Гудок сирены парома привел меня в чувство, и я обнаружила, что магазин опустел и почтальонша, сняв очки, спешит к перегородке взглянуть на незнакомку.

— Вы, должно быть, та самая молодая леди, что приехала в Камас-на-Добхрейн? Мисс Фенимор, если не ошибаюсь?

Она была худощавой женщиной лет пятидесяти, с яркими синими глазами и с аккуратной прической из седеющих волос. На ней был цветастый комбинезон, а на шее висели очки. У нее была чудесная кожа, свойственная островитянам, без единой морщинки; лишь в уголках глаз притаилась паути-

ка, свидетельствующая о том, что женщина часто улыбается. Сейчас она не улыбалась, но в ее взгляде сквозило добродушное любопытство, а ее нежный, присущий островитянам, голосок с гэльской мелодикой, напоминавшей морскую зыбь, согрел меня так ощутимо, будто маленький магазин осветило внезапно выглянувшее солнце.

— Да, я Роза Фенимор. А вы миссис Макдугал? Здравствуйте.

Мы обменялись рукопожатием.

— Да, я приехала в тот самый дом, о котором давало объявление агентство Харриса. Правильно? Я не говорю на гэском, извините.

— А почему вы должны говорить на нем? Да, именно он. По-английски это место называется бухта Выдр. И только там можно снять домик. Как видите, у нас тут не столица. — Она улыбнулась, продолжая подсчитывать стоимость моих покупок. — Вы ведь в первый раз здесь? Если деньки будут ясные, отлично погуляете. К тому же я слышала, что в этом доме у бухты Выдр в такое время жить вполне удобно. Правда, там никто не живет. Вы ведь одна будете там отдыхать?

— До среды. Брат очень хочет приехать. — Таким образом, я сообщила ей все, что ей хотелось знать: ведь я же, в конце концов, тоже часть недельных событий. — Он доктор, из Гемпшира. Со мной поехать он не смог, поэтому я пока одна. А в среду паром приходит в то же время?

— Да. Вы не взяли ничего для растопки. Если возьмете, сможете легко затопить печь. С торфом умеете обращаться?

— Нет, но, думаю, научусь. Миссис Макдугал, а как мне добраться до коттеджа? Мне сказали, что отсюда две мили до него. Я спокойно могу и пешком дойти, но у меня чемоданы, я их просто не донесу.

— Не волнуйтесь. Видела я ваши чемоданы. Арчи Макларен наверняка уже поставил их к себе в лендровер. Может, возьмете, скажем, пару мешков угля для растопки? В доме сухо, в мае там отдыхала одна пара, и погода стояла хорошая, но вам лучше запастись топливом, а то кто знает, какая погода ожидает нас на следующей неделе.

— Да, разумеется. Спасибо. Тогда два мешка угля, пожалуйста, и растопку, и... кажется, все. Да, а как насчет молока и хлеба? Их только паром привозит?

— Свежее молоко можно брать на ферме, но лучше купите длительного хранения. В плохую погоду из бухты Выдр сюда трудно добраться. Вот, возьмите. Два пакета, оно долго хранится даже без холодильника. Не знаю, есть ли там холодильник... Хлеб привозят. Оставить вам буханку в среду? И еще одну в выходные или пару, может быть? Вообще-то мы сами печем хлеб, если свежего захочется. Все?

— Да, спасибо. Сколько я вам должна, миссис Макдугал?

Она назвала цену, я заплатила. Тут вошел молодой человек, темноволосый, низкого роста, крепкого телосложения, в тельняшке, джинсах и резиновых сапогах. Он забрал мешки с углем и поставил их в автомобиль рядом с моими чемоданами. Я взяла пакет с покупками.

БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

— А телефона, наверное, в коттедже нет?

— Нет. Один телефон здесь, а другой в Доме, а больше и нет. А тот, что в Доме, отключен с тех пор, как старая леди умерла.

— Дом?

Она произносила это слово будто с прописной буквы.

— Большой дом. Он неподалеку от вас, примерно в полумиле вдоль по берегу. Он называется «Тагхна-Туир» — «Дом с башней». Там рядом с берегом небольшой островок, и на нем остатки от башни. Наверное, Дом поэтому так и называется. Его построили в старые времена как охотничий домик, а потом его купили Хэмилтоны и жили там летом, но старая миссис Хэмилтон — она была последней из них — в феврале умерла, и теперь там никто не живет и вряд ли будет жить. — Она улыбнулась. — Не всем по нраву тишина и покой Мойлы.

— Конечно. Но мне именно этого и хочется. Да и телефон на самом деле мне не нужен. Просто я хотела узнать, приедет ли брат. Так что, если можно, я приду завтра и позвоню ему. До которого часа вы работаете?

— До половины шестого. Но если вам понадобится телефон, приходите к входу в дом. Здесь все так звонят, а дешевые звонки после шести. Так что приходите. Вот, это все. — Она взяла второй пакет с моими покупками и проводила меня до двери. — Арчи вам покажет дом, и, если вам что-то понадобится, скажите ему. А я, может быть, завтра сама к вам загляну. До свидания. Помогите леди, Арчи.

По-видимому, Арчи ответил, что поможет. Я села рядом с ним, и мы тронулись в путь. Лендровер явно знал лучшие времена, и, как только мы покинули деревенскую улицу и выехали на петляющую от деревни до вересковых пустошей дорогу — она была чуть длиннее, — разговаривать стало трудно. Я дважды попыталась завести беседу, но Арчи лишь кивал или бормотал в ответ что-то неразборчивое, поэтому я сдалась и стала смотреть по сторонам.

Насколько я могу судить, на Мойле мало уголков, откуда не было бы видно море. Каменистая неровная дорога поначалу карабкалась спокойно меж объединенного овцами дерна, из которого торчали стебли камыша и чертополоха, кое-где виднелись пятна орляка. Как только деревня скрылась из виду, деревья пропали, лишь облезлые от непогоды колючки трепал ветер. Дорога становилась все круче и извилистее. Теперь по ее обочинам тянулся вереск. В это время года он темный, так как не цветет, но близ серых камней порой мелькали ярко-красные колокольчики. Сверкал золотом дрок — бесконечное чудо, а над травой среди чертополоха качались крошечные белые и желтые подмаренник и лапчатка. Серые камни, поросшие ярко-горчичным лишайником, напоминали клумбы. Справа тусклым цветом мерцало озеро.

Тишину нарушал лишь звук мотора, но я заметила, как из вереска вверх к небесам взмыл жаворонок, через несколько минут с выси опустился другой. Парочка серых ворон — хохлатых ворон — про-

БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

летела перед нами, а когда машина преодолела подъем и начала спускаться в сужающуюся долину, вверх взлетел каюк и стал медленно описывать круги, потом он исчез за гребнем.

Затем дорога пошла вдоль выжженной земли по направлению к поблескивающему морю. В этом месте, далеко от атлантических штормов, теснились довольно высокие деревья. Главным образом дубы, но попадались буки, ясени, березы и орешник, перемежку с ежевикой и жимолостью. По обочинам тянулись заросли ольхи и боярышника в окружении наперстянки.

Дорога выровнялась, долина стала шире, и перед нами возник залив.

Бухта Выдр оказалась крохотной; дугообразная полоса берега была покрыта галькой, дальше лежали валуны. Черные локоны высохших водорослей указывали границы приливов. Слева вид загораживала высокая скала, а справа прямо в море тянулся невысокий мыс. Прищуриль глаза от сияния Атлантики, я сумела разглядеть тропу, поднимавшуюся на мыс и уходившую на запад. А за дугой мыса, плохо различимый издали, возвышался, напоподобие приподнятого колена, холм, гладкий и симметричный.

Тут лендровер остановился у пристани из сваленных в груды и связанных проволокой булыжников. Неподалеку, чуть повыше, спиной к скале стоял коттедж.

ГЛАВА 3

Коттедж оказался больше, чем я предполагала. Когда-то он соответствовал стандарту: крошечный квадратный холл, с дверьми по обеим сторонам, которые выходили в «парадные комнаты», крутая с перилами лестница, ведущая прямо под крышу в одинаковые спальни. Но кто-то, причем явно не так давно, переписал эту жанровую картинку — две комнаты внизу превратились в одну, которую разделяла лестница. В кабинете справа был симпатичный камин. Мебель состояла из пары легких стульев, низкого стола и сомнительного вида софы, стоявшей спинкой к лестнице. Кухня-столовая с другой стороны могла похвастаться обыкновенными буфетами, похоже самодельными, и столом у окна в окружении четырех стульев. В кухонном шкафчике обитали электрический чайник и тостер — единственные «совр. усл.», бросавшиеся в глаза.

В задней части дома дверь открывалась в узкое помещение, длиной в ширину дома, которое, по-ви-

БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

димому, служило черной кухней или посудомоечной вместе с прачечной. К одному окну примыкала современная раковина с водосливом, рядом на стене висел электрический кипятильник. Тут же находилась плита, помещенная сюда, вероятно, кем-то, кто с недоверием относился к электроснабжению острова, — она была газовая. Газовые баллоны находились снаружи под навесом близ торфяной кучи. Далее того модернизация не пошла, другой конец помещения остался таким, как и прежде: старая глубокая раковина для стирки с единственным краном, наверняка с холодной водой, а под ней медный котел для кипячения. Глубокий чистый и пустой буфет служил кладовой, в другом хранились моющие средства. Холодильник отсутствовал, но здесь холодно и летом — эти окна никогда не видали солнца. Высунувшись из окна, я увидела, что между домом и скалой находится то, что когда-то было то ли садом, то ли огородом. Ныне же заросли ежевики и шиповника за полуразрушенной стеной почти целиком скрывали садовую калитку. Между крапивой, высотой в половину человеческого роста, тянулась вдоль стены тропинка к крошечному сооружению, предназначение которого еще предполагалось угадать. Посредник заверил меня, что и ванная, и туалет находятся в доме, наверху над помещением для мойки и стирки. Глядя на эту крапиву, я надеялась, что он не обманул меня.

— Отнести чемоданы наверх? — спросил Арчи Макларен.

— Нет, не беспокойтесь... спасибо.

Бросив пакеты с покупками на кухонный стол, я стала вынимать продукты. Арчи отправился наверх и спустился вниз минуты через две.

— Я всего лишь, — он говорил «всеохо», — поглядел. В прошлом году она нанимала Роберта Макдугала делать спальни наверху. Он — двоюродный брат Мери Макдугал, живет в Дервайге. Хороший мастер. Наверху я комнаты еще не видел, но я помню, как он переделывал ванную и эту комнату. — Арчи с любопытством огляделся по сторонам. — Когда здесь жила семья, все было по-другому. Здесь жил Аластер Макей, он был садовником в Доме. Они уехали всего два года назад на большой остров, и тогда миссис Хэмилтон приспособила это место, чтобы сдавать. Когда старую печь сломали, я сам притащил сюда плиту и все для кухни. А дерево, и ванну, и все остальное привезли на лодке в бухту. Ох, и пришлось нам потрудиться, когда волокли все это к дому.

— Я не знала, что коттедж принадлежит... принадлежал?... миссис Хэмилтон. Миссис Макдугал сказала, что она недавно умерла.

— Именно так. Она была хорошей женщиной, а когда муж ее был еще жив, он очень любил охотиться и рыбачить, хотя на Мойле не очень-то порыбачишь. Он каждый год ходил на север за лососем к большому острову, а она тут жила. Она любила этот дом, и после смерти полковника Хэмилтона она так тут и жила, даже зимой. Но последняя зима оказалась трудной для нее, бедняжечки.

БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

— А что будет с домом... Большим домом, я имею в виду... теперь?

— Понятия не имею. Кажется, есть какие-то родственники за границей, и все. Продадут, я думаю, но только кто его купит?

— Тот, кто любит тишину и покой, по-видимому.

— Башню из слоновой кости?

Я как раз ставила пакеты и консервные банки в один из стальных шкафов, но на этой фразе я обернулась.

— Что?

— Башню из слоновой кости. Так миссис Хэмилтон обычно говорила. Она писательницей была, настоящей — у нее книги выходили. Когда она была помоложе, то писала книги для детей. Она говорила, что это поэтический образ... ну, когда хочешь остаться один.

— Ясно. Теперь ясно. Просто я все удивлялась. Посредники обычно не обладают поэтическим воображением.

— Не понял.

— Посредник так же написал в рекламном объявлении. Умно поступил. Именно на это слово я и обратила внимание. Еще мне интересно, станут ли продавать коттедж или будут сдавать и впредь?

— Его сдали только на лето, и в этом году здесь отдохали люди, но в прошлом месяце, из Корнуолла, кажется. У них своя лодка была, и купали они все в Тобермори, поэтому мы почти их и не видели.

— Да, наверное, свою лодку иметь хорошо, если живешь здесь долго. А у вас есть лодка?

— Есть. Если захотите порыбачить или посмотреть птичьи острова, скажите мне.

— Обязательно. Ой, я забыла! А уголь вы выгрузили?

— Выгрузил. Он позади, там, где торф. Прямо около двери. Принести сейчас немного? Не беспокойтесь. Знаете, как торфом топить?

— Миссис Макдугал уже меня об этом спрашивала, — сообщила я. — Не знаю. Но попытаюсь. Можно вас попросить помочь, если у меня не получится?

— Буду рад вам помочь. А на берегу вы найдете и щепу, и сушняк. А для торфа нужно много воздуха. Если сумеете его зажечь, огонь у вас будет отменный.

— Я постараюсь. Спасибо большое, Арчи. Сколько я вам должна?

Я заплатила ему, и он пошел, но в дверях остановился и внезапно, словно этот вопрос вырвался сам вопреки хорошим манерам, спросил:

— Вы уверены, что сами справитесь? А что вы собираетесь делать? Места тут пустынные, а ежели захотите прогуляться, то обойдите Мойлу всю целиком — наш остров такой крошечный. Ничего примечательного у нас тоже нет, разве только птицы на внешних островах, да и они скоро улетят.

Я улыбнулась.

— Я же сама мечтала о башне из слоновой кости. Видите ли, я тоже пишу.

— Ах вот как... Значит, писательница? Понятно.

По его интонации и взгляду стало ясно, что мои странности, если они и имеются, теперь можно объяснить.

Я засмеялась.

— Я вовсе не собираюсь писать все время, хотя кое-чем я бы хотела заняться. Но отшельницей я жить не думаю. Скоро приедет мой брат, а так как он хочет поглядеть острова, мы с вами еще увидимся. Еще раз спасибо.

Лендровер заскрежетал вверх по дороге, а потом свернул в долину и исчез из виду. Через несколько секунд звук мотора перестал быть слышным, и наступила тишина.

Тишина? Шум прибоя о берег, покрытый галькой, крики и зов чаек в вышине, серебристая трель жаворонка над скалой; и, как завершающий аккорд, запыхавшийся вопль сирены парома, который двинулся на запад. Прервалась последняя связь. Уединение. Полное строгое уединение. Захлопнутая дверь.

Тихо закрыв дверь, я словно отсекала все звуки, доносившиеся снаружи, и пошла наверх поглядеть, какие кровати приготовила для гостей эта милая дама, миссис Хэмилтон.

Как и говорил Арчи, щепы среди мусора на берегу оказались в достатке. Вскоре я набрала ее полную охапку, а потом взобралась вверх, туда, где покрытый солью дерн делил на глубокие канавы ручей, пробивавшийся к морю. Повсюду росла гвоздика, между которой поблескивали осколки ракушек. Откуда-то издали крик сорочая, предупреждавшего своих птенцов об опасности. Где-то сбоку что-то мелькнуло — по гвоздикам промчалась ржанка. Она двигалась медленными перебежками,